

АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ ИМЕНИ ЯКУБА КОЛАСА

НА ПРАВАХ РУКОПИСИ

ЛАПИЦКАЯ Ирина Николаевна

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
БЕЛОРУССКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ БЕЛАРУСИ
(функциональный аспект)

Специальность: 10.02.02 - Белорусский язык
10.02.01 - Русский язык

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Минск - 1993

Работа выполнена в отделе белорусско-русских языковых связей Института языкознания имени Якуба Коласа АН Беларуси.

Научный руководитель - доктор филологических наук
профессор А.Н.БУЛИКО

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
профессор А.А.ГИРУЦКИЙ
кандидат филологических наук
доцент Г.Ф.ВЕШТОРТ

Ведущая организация - Брестский педагогический институт

Защита состоится "___" _____ 1993 г. в 14 часов на заседании специализированного совета Д 006.15.01 при Институте языкознания им. Якуба Коласа АН Беларуси (220072, г. Минск, ул. Ф.Скорины, 25).

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке имени Якуба Коласа АН Беларуси (г. Минск, проспект Ф.Скорины, 68).

Автореферат разослан "___" _____ 1993 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
кандидат филологических наук

 А.А.ЛУКАШАНЕЦ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Глубокое и всестороннее изучение многоаспектной проблемы взаимодействия близкородственных белорусского и русского языков в условиях их функционирования на территории Беларуси является по-прежнему одной из актуальных задач современного белорусского языкознания. Общая проблематика такого взаимодействия закономерно включает в себя вопрос о взаимодействии белорусского и русского языков в сфере литературно-художественного творчества. Как известно, в Беларуси в русле общего культурно-исторического процесса развиваются художественная литература на белорусском языке и русскоязычная художественная литература. Вот почему весьма плодотворным представляется изучение обозначенной проблемы на материале языков обеих литератур республики, и в частности, их художественной прозы. Язык художественной прозы, особенно его лексика, наиболее полно отражает следы и результаты воздействия русского языка на белорусский и белорусского языка на русский, которое приводит, с одной стороны, к взаимодействию обоих языков, главным образом в сфере лексики и стилистики, а с другой стороны, - к возникновению явления так называемой отрицательной интерференции, то есть языкового смешения.

В изучении взаимодействия белорусского и русского языков в области художественного творчества достигнуты определенные результаты. Однако подавляющее большинство работ по этой проблематике посвящено исследованию типов и функций белорусских языковых элементов в русских переводах произведений белорусской художественной литературы, а также в оригинальной русскоязычной художественной литературе. Это диссертации А.А.Гируцкого, Н.С.Буравской, С.В.Махоня, ряд статей других авторов (А.В.Орелонковой, В.П.Гурчениковой, Е.С.Клыгиной-Хмелевской, А.А.Лукашанца, О.В.Озаровского, А.М.Тикоцкого). Вместе с тем почти не освещалась обратная сторона данной проблемы, а именно: как отражается русский язык в языке белорусской художественной литературы. Затруднительно назвать также работы, в которых предпринималась бы попытка сопоставить функциональное использование белорусских лексических элементов в языке русскоязычной художественной литературы и русских лексических элементов в белорусской художественной литературе с целью выявления как сходств, так и различий в составе и функционировании таких языковых единиц.

Сказанное делает актуальным обращение к теме данной работы - изучению в функциональном плане белорусской и русской лексики в художественной прозе Беларуси.

Цели и задачи исследования. В данной работе ставилась цель рассмотреть по возможности полно и последовательно (с учетом имеющегося материала) функционирование лексических русизмов в произведениях художественной прозы, написанных на белорусском языке, и лексических белорусизмов в произведениях художественной прозы, написанных на русском языке.

В задачи исследования входило: выявить в прозаических художественных текстах на белорусском и русском языках соответственно русские и белорусские лексические элементы, не соответствующие кодифицированным нормам данных языков; с учетом специфики языка художественной литературы определить критерий, позволяющий отличать функциональные явления от нефункциональных; рассмотреть причины появления и характер функционирования лексических русизмов и белорусизмов в речи персонажей и в авторской речи; установить своеобразие состава лексических русизмов и белорусизмов, сравнить семантические и стилистические характеристики соотносимых слов русского и белорусского языков; показать влияние экстралингвистических факторов (тема, идейно-художественное содержание произведения, особенности контекста, фоновые знания читателя) на употребление лексических русизмов и белорусизмов и восприятие их функций читателем; раскрыть сущность и причины различных отступлений от лексических и стилистических норм; охарактеризовать способы введения, приемы толкования лексических русизмов и белорусизмов в изученных произведениях; сравнить функционально-стилистическое использование лексических русизмов и белорусизмов в художественной прозе Беларуси с целью выявления общих и отличительных черт такого употребления.

Методы исследования определяются целями и задачами, поставленными в работе, характером материала. Для анализа собранного фактического материала в диссертационном исследовании использовались общезыковые методы - списательный и сравнительно-сопоставительный.

Источники языкового материала. Источником изучения функционирования лексических русизмов в белорусской художественной прозе послужили произведения, созданные в основном в последнее тридцатилетие такими ведущими белорусскими писателями, как

Я.Брыль, В.Быков, В.Короткевич, И.Науменко, И.Пташников, И.Чигринов, И.Шамкин.

Основным источником изучения функционирования лексических белорусизмов в русскоязычной прозе Беларуси послужил издающийся в республике на русском языке ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал "Неман" (в основном за период с 1960 по 1990 год), а также некоторые отдельные издания художественной прозы на русском языке. Всего в работе использованы разные по объему и жанру оригинальные прозаические произведения тридцати восьми авторов.

Научная новизна исследования. В данном исследовании впервые предпринята попытка классификации лексических русизмов в белорусской художественной прозе с функциональной точки зрения. Впервые объектом специального изучения явились лексические белорусизмы, которые не вошли в словарный состав русского литературного языка и поэтому нуждаются в особо тщательной мотивировке своего употребления. В результате исследования выявлены причины, обуславливающие включение лексики русского и белорусского языков в художественный текст. В соответствии с ними, а также с учетом внутренних закономерностей структурной организации художественного произведения подробно и последовательно охарактеризованы стилистические функции лексических русизмов и белорусизмов в речи персонажей и в авторской речи. Показано влияние контекстных условий на эффективность реализации художественных функций русских и белорусских слов. Рассмотрены разнообразные способы введения и толкования русской и белорусской лексики в их взаимосвязи с решением определенных художественных задач. В работе впервые предпринята попытка сравнить функциональное использование лексических русизмов и белорусизмов с целью выявления в нем общих и отличительных черт.

Практическая значимость исследования. Выводы и основные положения диссертации могут быть использованы при дальнейшей разработке вопросов художественного билингвизма, а также при анализе языка и стиля произведений писателей-билингвов.

Предполагается, что настоящее исследование найдет свое применение при решении вопросов культуры речи, сопоставительного изучения двух близкородственных языков – белорусского и русского, стилистики художественной речи.

Материалы диссертации могут быть применены в практике преподавания белорусского и русского языков в вузах, при чтении

спецкурсов по стилистике и лингвистическому анализу текста.

Результаты работы могут послужить основанием для практических рекомендаций начинающим авторам и переводчикам по повышению качества их литературно-художественного творчества.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Исследование художественных функций лексических русизмов и белорусизмов необходимо проводить на основе четкого разграничения авторской речи и речи персонажей, так как именно эти два типа речи считаются основными стилистическими компонентами художественного произведения. Прямая речь максимально полно отражает языковую специфику персонажей и в этом смысле наиболее отчетливо противопоставляется авторской речи.

2. Функционально обусловленное употребление лексических русизмов и белорусизмов в прямой речи персонажей определяется целями собственно содержательного и изобразительно-выразительного плана. В соответствии с этим в ней выделяются две группы художественных функций таких элементов – группа информационно-коммуникативных функций и группа характерологически-экспрессивных функций лексических русизмов и белорусизмов. Как правило, стилистические функции реализуются в комплексе, благодаря чему достигается художественная цельность речевой характеристики персонажа.

3. Наиболее эффективным является употребление русской и белорусской лексики в полных контекстах, так как они содержат "подсказку", облегчающую процесс адекватного восприятия передаваемой информации.

4. В зависимости от особенностей структурной организации авторской речи лексические русизмы и белорусизмы используются в ней как элементы чужого (не авторского) словоупотребления либо как средство создания речевой экспрессии, специфического колорита собственно-авторской речи.

5. Разнообразные способы введения лексических русизмов и белорусизмов, а также приемы толкования последних несут на себе печать художественной целесообразности и способствуют реализации стилистических функций русских и белорусских слов.

6. Функционально обусловленное употребление лексических русизмов и белорусизмов в художественной прозе Беларуси расширяет семантико-выразительные возможности художественной речи, пополняет, делает более разнообразным арсенал ее стилистических средств.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на заседании отдела белорусско-русских языковых связей Института языковедения имени Якуба Коласа АН Беларуси.

Отдельные ее положения излагались на внутривузовских конференциях преподавателей Могилевского педагогического института (1988, 1992, 1993), на III республиканской конференции "Словообразование и номинативная деривация в славянских языках" (Гродно, 1989), на VI Всесоюзном координационном совещании руководителей отделов и секторов русского языка АН союзных республик и филиалов АН СССР "Русский язык в условиях двуязычия и многоязычия: проблемы функционирования и исследования" (Минск, 1990).

Главные положения и основные выводы диссертационного исследования получили освещение в ряде публикаций, выходные данные которых указаны в конце автореферата.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и приложений - списка источников исследования, лексикографических пособий и библиографии.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается выбор темы, ее актуальность, определяются цели, задачи и методы исследования, характеризуются источники языкового материала, показывается научная новизна и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту. Специальный раздел посвящен установлению исходных понятий и предпосылок, которые определяют методику и направление исследования. Отмечается, что функциональный аспект предусматривает изучение причин появления русских (белорусских) лексических элементов в белорусской (русской) художественной речи, характера их функционирования в ней, способов введения в иноязычный текст. В основу функционального анализа лексических русизмов и белорусизмов положен учет субъектной прикреплённости речевого контекста, содержащего русское или белорусское слово (авторская речь, речь персонажей). Такой подход к изучаемому материалу отражает понимание внутренних закономерностей структурной организации художественного произведения, где все языковые единицы, посредством которых осуществляется изображение (в том числе лексические русизмы и белорусизмы), непременно соотносятся с образом субъекта - автора или персонажа, принадлежат одной из речевых структур - авторской речи или речи персонажей.

Из всех способов передачи речи персонажа (прямая речь, косвенная речь, несобственно-прямая речь) только прямая речь с точки зрения ее субъективной прикреплённости и степени выражения речевых особенностей персонажа наиболее полно отвечает содержанию такого понятия, как "речь персонажа", и отчетливо противопоставляется авторской речи. Исходя из этого, лексические русизмы и белорусизмы анализируются в работе в двух речевых потоках - в авторской речи и речи персонажей, переданной графически выделенной прямой речью.

Стилистические функции, выполняемые лексическими русизмами и белорусизмами в прямой речи персонажей, условно могут быть отнесены к группе информационно-коммуникативных или группе характерологически-экспрессивных функций. Особенность информационно-коммуникативных функций состоит в том, что они мотивируются целями собственно содержательного плана, а именно: задачами передачи дополнительной, в большинстве случаев вербально не выраженной информации. Стилистические функции лексических русизмов и белорусизмов при этом в конечном счете сводятся к роли своеобразных сигналов различного рода содержательно-подтекстовой информации. Прагматический эффект реализации информационно-коммуникативных функций связывается писателем с использованием прежде всего потенциала иноязычности русских и белорусских лексических элементов. В основе подобного употребления лежит свойство ненормализованных речевых единиц создавать эффект своеобразия, непривычности, приостанавливая тем самым автоматизм читательского восприятия и заставляя ощутить в своем появлении определенную преднамеренность, осознать ее смысл.

Выполнение лексическими русизмами и белорусизмами характерологически-экспрессивных функций мотивируется целями изобразительно-выразительного плана и обслуживает установки на выражение и воздействие. Прагматический эффект реализации названных функций связывается писателем с использованием богатого семантического и экспрессивно-стилистического потенциала русских и белорусских слов. В таком случае лексические русизмы и белорусизмы выступают не только как сигналы содержательно-подтекстового плана, но и участвуют в формировании и выражении образной информации художественного произведения. В известной мере подобное деление стилистических функций лексических русизмов и белорусизмов условно, поскольку они, как правило, не автономны,

а дополняют друг друга в процессе конкретной реализации авторских идейно-художественных установок. Поэтому и говорить об этом можно лишь с учетом того, что в каждом конкретном случае находится в главенствующем положении, преобладает, а что - в подчиненном, дополняет. При этом стилистические функции лексических русизмов и белорусизмов информационно-коммуникативной группы, в сравнении с характерологически-экспрессивными функциями таких элементов, являются относительно простыми, так как способствуют показу лишь внешних примет персонажа.

В первой главе "Лексические русизмы в белорусской художественной прозе" исследуется специфика функционирования русских лексических элементов в художественной прозе, написанной на белорусском языке. Глава состоит из трех параграфов.

В первом параграфе рассматриваются информационно-коммуникативные и характерологически-экспрессивные функции лексических русизмов в прямой речи персонажей. Анализ строится на основе выделения различных направлений писательской конкретизации речевого облика персонажа, средством достижения которой служат лексические русизмы.

Реализация стилистических функций лексических русизмов информационно-коммуникативной группы связывается со следующими основными направлениями писательской конкретизации речевого облика персонажа: конкретизация речи персонажа с точки зрения ее языковой принадлежности; конкретизация речи персонажа относительно наличия в ней фактов языкового смешения; конкретизация речи персонажа относительно наличия в ней элементов чужого словопотребления.

Участие лексических русизмов в конкретизации речи персонажа с точки зрения ее языковой принадлежности определяется целью воссоздания в белорусском художественном тексте речевого облика персонажа, говорящего по-русски. Предметом анализа становятся случаи, когда писатель отказывается от дословного цитирования русской речи персонажей и строит их высказывания на основе белорусского лексического материала с единичными вкраплениями русских слов. Лексические русизмы выполняют роль своеобразных сигналов дополнительной информации о характере речи персонажа с точки зрения ее языковой принадлежности, что способствует в конечном счете маркированности такой речи в читательском восприятии как целиком русской.

Эффективность реализации стилистических функций лексических русизмов информационно-коммуникативной группы во многом обуславливается типом контекста. В зависимости от того, содержит ли контекст "подсказку", облегчающую читателю процесс адекватного восприятия функций лексических русизмов, или она отсутствует в нем, в работе различаются соответственно полные и неполные ("немые") контексты. Так, по отношению к лексическим русизмам, употребление которых определяется задачей конкретизации речи персонажа с точки зрения ее языковой принадлежности, "немыми" скажутся контексты, не содержащие вербально выраженной информации о национальности и/или языке говорящего. Все, что сообщается об этом, выражается косвенно, посредством употребления лексических русизмов. Адекватности восприятия в подобных случаях способствуют такие факторы экстралингвистического порядка, как фоновые знания и опыт коммуникантов. В полных контекстах рассматриваемая функция лексических русизмов удачно проявляется благодаря различного рода биографическим справкам: "Лічы, што землікі. Мы - смаленскія" (Шамілін. Зб. тв.: У 6 т. - Т. V. - Мн., 1979. - С. 113); ситуативно-контекстному подчеркиванию национальности и/или языка говорящего: "Галасы набліжыліся. Гаварылі па-руску" (Чыгрынаў. Выбр. тв.: У 3 т. - Т. II. - Мн., 1984. - С. 21); сведениям о национальности и/или языке персонажа, которые обуславливаются содержанием всего художественного произведения (например, в повести В.Короткевича "Зброя" события происходят в Москве 50-х годов прошлого столетия, и это объясняет появление лексических русизмов в прямой речи персонажей).

Конкретизация речи персонажа относительно наличия в ней фактов языкового смешения определяется творческой установкой писателя на воссоздание речевого облика персонажа - носителя белорусско-русского двуязычия совмещенного типа. В соответствии со спецификой художественной литературы стилистическая функция лексических русизмов здесь также ограничивается ролью сигналов явления, своеобразных знаков дополнительной информации о смешанном характере речи персонажей. Реализация названной функции лексических русизмов анализируется в разных типах контекстов. В неполных ("немых") контекстах определенные фоновые знания позволяют воспринимать как факты языкового смешения лексические русизмы в речи персонажей-белорусов, жителей сельской местно-

сти. В полных контекстах подобной квалификации русской лексики способствуют содержащиеся в них прямо сообщенные сведения, которые подтверждают или, по крайней мере, не исключают появление слов русского языка в прямой речи персонажа. В роли таких сведений могут выступать географические справки, например: "У нас тут, у Мокрим, — гэта недалёка, адразу за Верамейкамі, граніца праходзіць паміж Рэсафесэрыяй і Беларуссю" (Чыгрынаў. — Т. Ш. — С. 403); различного рода биографические данные из жизни героев произведений: "... дзесяць гадоў яго не было тут — праходзіў навуку ў дэлежым Ланбасе" (Быкаў. Знак бяды. — Мн., 1984. — С. 185); а также ситуативно-контекстное подчеркивание автором смешанного характера речи персонажа: "І казкі гэтыя былі, у парайнанні з Кямарсвымі, куды больш даступныя для нас на мове рускай, якую так ці гэтак, уперамешку з роднай, ушывалі ў нас дарослыя" (Брыль. Зб. тв.: У 5 т. — Т. П. — Мн., 1980. — С.466).

Проведенные наблюдения показывают, что включение лексических русизмов в прямую речь персонажей может являться также результатом конкретизации такой речи относительно наличия в ней элементов чужого словоупотребления. В работе подробно анализируются разнообразные приемы введения и формальной маркировки русской лексики, которые помогают четко отграничить факты чужой речи от голоса персонажа, способствуя тем самым прояснению функции лексических русизмов в читательском восприятии.

Специфика задач, решаемых с помощью стилистических функций лексических русизмов характерологически-экспрессивной группы, определяет иные направления писательской конкретизации речевого облика персонажа. Одним из них является конкретизация речи персонажа с точки зрения отражения в ней социально-психологических особенностей его личности. С данным направлением связывается реализация лексическими русизмами характерологической функции. Различаются собственно-характерологическое и характерологически-оценочное употребление русской лексики. Собственно-характерологическое употребление обслуживает авторскую идейно-художественную установку на создание идиолекта, отражающего социальные и/или индивидуальные особенности личности персонажа. При характерологически-оценочном использовании слов русского языка их собственно-характерологическое употребление дополняется замыслом автора внушить читателю и определенное оценочное (как правило, отрицательное) отношение к своему герою. Например, в собственно-характерологической роли выступают лексические ру-

сизмы в речи персонажа повести В.Быкова "Праклятая вышня" командира роты Ананьева - человека честного, но резкого, подчас грубого от бесконечных тревог военного времени. Выбор русской лексики детерминирован содержанием художественного образа. Лексические русизмы, включенные в речь персонажа, по своей семантике и дополнительной экспрессивно-стилистической оценочной сущности имеют сниженный характер и выделяются в словарях как "просторечные": "Я табе вось як дэвіну!" (Быкаў. Зб. тв.: у 4 т. - Т. IV. - Мн., 1982. - С. 35); "Табе статкам авечак камандаваць, а не ўздадам. Балбес!" (Там же. - С. 72); "А ты няога д'ябла тут акалачваешся?" (Там же. - С. 93).

Характерологически-оценочное использование лексических русизмов достигается путем включения функционально закрепленной лексики русского языка в иностилевую сферу. Вследствие "неуместности" слов в данных условиях возникает эффект повышенной экспрессивности, что позволяет писателю создавать образы выразительного эмоционально-стилистического плана, обнаруживая при этом собственное отношение к изображаемым лицам. Например, включенные в речь еще одного персонажа В.Быкова - карьериста и демагога Новика из повести "Знай бяды" - русские лексические элементы книжного стиля (преимущественно лексика общественно-политического характера) позволяют создать обобщенный портрет людей власти, непомерно бряцающих классовой терминологией: "А во вы самі - вы а баражаны пушком укланізму. Я вот гляджу, часнасобственніцкія тэндэнцыі для вас важней, чым рашэнні партыі" (Быкаў. Знак бяды. - С. 105); "У вас капітуляніцкія, праваўкланіцкія погляды" (Там же. - С. 106).

С реализацией иного направления писательской конкретизации речевого облика персонажа - конкретизацией речи персонажа с точки зрения выражения в ней его эмоционального состояния, его субъективного отношения (которое чаще всего бывает оценочным) к тому, что обозначается словом, - связано выполнение лексическими русизмами функции создания ситуативно-речевой экспрессии и функции создания ситуативно-речевого комизма.

Следует отметить, что, в отличие от характерологического использования лексических русизмов, где функциональное осложнение языковых единиц самим персонажем не осознается, носит произвольный характер, употребление лексических русизмов в функции создания ситуативно-речевой экспрессии - результат

сознанного субъектом речи использования эмоционально-экспрессивной силы русского слова для выполнения определенной экспрессивной задачи. Наибольшую семантико-стилистическую весомость в таких случаях обнаруживают: 1) русские лексемы, которые совпадают с белорусскими соответствиями в понятийно-смысловом содержании, но имеют различия в экспрессивно-эмоциональной окраске и стилиевой характеристике (ср.: рус. прост. накостылять и бел. нейтр. набіць; рус. высок. грядущее и бел. нейтр. будучыня; рус. устар., теперь шутл. одеяние и бел. нейтр. адзеенне, убранне и др.); 2) русские слова, которые имеют с белорусскими соответствиями одинаковый семантико-стилистический объем, но обнаруживают при этом чуть заметные различия экспрессивно-эмоционального характера (например, языковыми выразителями эмоционально-экспрессивных наслоений у русских лексем могут выступать стилистически маркированные элементы их структуры, которые сохраняют еще оттенки книжности, приподнятости (ср.: рус. блаженство и бел. шчасце, асалода, раскоша; рус. благодатный и бел. багаты, баскошны; рус. сокрушить и бел. знішчыць); 3) русские лексические элементы, которые не имеют адекватного однословного соответствия в белорусском языке (ср.: рус. симпатия и бел. сімпатычны чалавек; рус. отщивотить и бел. даць дыкту).

Создание с помощью лексических русизмов ситуативно-речевое комизма в прямой речи персонажа может связываться как с личностью автора, так и с личностью самого персонажа. В работе рассматриваются случаи, когда персонаж сознательно использует русские слова как намеренный стилистический прием, шутку, остроумие. Комический эффект достигается благодаря употреблению церковнославянизмов и вообще архаизмов с шутливо-ироническими целями, например: "Ав есмь, ёлкi кашлятыя, грэшн у гэтым зедо!" (Брыль. - Т. III. - С. 201); в результате пероцирования чужой речи: "- У творчасні Якуба Коласа правадіруа і праваблядаа сабынальнаа цема... Пераапранаша Славе не грэба - на хвіліну мільгнуў мывы даконт Зязюла" (Навуменка. 36. тв.: У 6 т. - Т. III. - Мн., 1982. - С. 432). Помимо этого, комизм ситуации может строиться на белорусско-русской межязыковой омонимии (ср.: рус. бабочка 'насекомое' и бел. бабачка 'жанчына'), а также на обобщении родовых различий существительных (например, существительных лошадь и конь).

Во втором параграфе рассматриваются лексические русизмы,

употребленные в авторской речи. Анализ проводится с учетом возможности двойной организации авторского повествования. Во-первых, авторское повествование может представлять собой сложный стилистический рисунок, определяемый синтезом речевого выражения разных субъектных планов - автора и персонажа. В таких случаях авторская речь в различной степени испытывает на себе влияние речевых средств персонажа. В авторском повествовании подобной структурной организации лексические русизмы вводятся как элементы чужого словоупотребления, которое отражает речевые навыки определенной социальной среды или отдельного персонажа. Представляя в авторском тексте речевую "зону" героев, лексические русизмы несут дополнительную информацию о них, являющуюся содержанием информационно-коммуникативных и характерологически-экспрессивных функций. При этом их функционирование в авторской фразе так или иначе маркируется (как правило, берется в кавычки). Попытка синтезировать авторскую речь и речь персонажа реализуется в форме различных синтаксических структур - авторской речи, включающей в себя "осколки" высказываний персонажей, косвенной и несобственно-прямой речи. В ряде случаев между высказываниями персонажей и авторской речью обнаруживается более тесная связь, которая выражается непосредственно: отражения прямой речи переходят в авторское повествование, например:

- Так не пойдзе, пішыне аб'ясненне.

Нічога не зробіў, навісься ўзяў за гэта "аб'ясненне"
(Быкаў. - Т. П. - С. 49).

Во-вторых, авторское повествование может быть построено на основе тех средств языка, в которых наиболее полно находит выражение личный языковой опыт писателя. В работе такие контексты условно определяются как собственно-авторская речь. Анализ функциональной нагруженности лексических русизмов в собственно-авторской речи обнаруживает в большинстве случаев эстетически направленное использование семантически и стилистически весомых лексических элементов русского языка. В числе таких слов рассматривается русская стилистически окрашенная лексика, которая имеет в белорусском языке нише по своей стилистической характеристике эквиваленты (ср.: рус. прост. балковитий и бел. нейтр. размін, кемліны, з галавой; рус. устар. низринуть и бел. разг. зрынуць, нейтр. скінуць, звергнуць; рус. устар. и трад.-поэт. наречь и бел. нейтр. вымавіць, сказаць, выказаць; рус. высок. повержен-

ный и бел. нейтр. звалены, павалены; рус. устар. упоминание и бел. нейтр. упамінанне и др.), а также русская стилистически нейтральная или маркированная лексика, которая имеет добавочные семантические оттенки в сравнении с белорусскими соответствиями (ср. значения следующих слов: рус. ликующий и бел. рапасны; рус. блаженно и блаженный и бел. шчасліва и шчаслівы; рус. гордыня и бел. гордаць). При определенных обстоятельствах русское слово в собственно-авторской речи может иметь колористическую мотивированность, вводить читающего в атмосферу изображаемой исторической эпохи: "... ні даць ні ўзяць еўрапеізаваны купчык з багатых тагарскіх недарасляў" (Караткевіч. Чорны замак Альшанскі. - Мн., 1983. - С. 284).

Вместе с тем в собственно-авторской речи отмечены словоупотребления, являющиеся фактами интерференции, то есть результатом функционально не обусловленного использования лексических русизмов. К ним относятся лексемы, которые не обнаруживают в своем появлении определенной преднамеренности. Такая лексика, как правило, имеет с белорусскими соответствиями одинаковый семантико-стилистический объем, а значит, и равные изобразительно-выразительные возможности. По всей вероятности, источником интерференции в этих случаях служит и наблюдаемое у большинства рассмотренных русизмов частичное формальное сходство с белорусскими эквивалентами (ср.: рус. бережно и бел. беражліва, рус. переносица и бел. пераносца, рус. упроститься и бел. спрасніцца, рус. выпорхнуть и бел. выпярхнуць, рус. поблекнуть и бел. паблякнуць и др.).

В третьем параграфе дается характеристика способов введения лексических русизмов в белорусский текст. Отмечается, что в белорусском литературном языке до сих пор отсутствует общепринятый принцип графической передачи лексики русского языка. Подтверждением является то, что в одних случаях русское слово, введенное в белорусский художественный текст, сохраняет свой графемно-фонетический и орфографический облик, в других случаях (а это характерно для большинства примеров) русская лексема получает графемно-фонетическое и грамматическое оформление в соответствии с существующими нормами белорусского литературного языка.

Чаще всего лексика русского языка вводится в белорусский текст без всякого указания на ее иноязычность. Формальные мар-

керы (обычно кавычки) подчеркивают осознанность использования русской лексики, ее употребление с определенной стилистической целью.

Источником стилистических эффектов становится и такой способ введения лексических русизмов в белорусский художественный текст, как употребление в одном предложении или в близлежащем контексте русского слова и его белорусского соответствия или семантически соотносимого с ним белорусского слова, в результате чего возникают пары синонимически сближенных лексем обоих языков. Подобное сближение русской и белорусской лексики отмечается в диалогической речи персонажей (возникновение двуязычного параллелизма наименований) и в авторской речи (употребление эквивалентной или близкой по значению лексики обоих языков, построенное по принципу функций синонимической градации и синонимического уточнения). Появление русско-белорусских лексических параллелей может обуславливаться также прямой речью персонажа и авторским текстом. В таких случаях употребление двуязычных номинаций регламентируется ориентацией на разных субъектов речи (автор, персонаж) с присущими каждому из них речевыми навывками:

- А вот гэту абложку?

Пераз стол ён кінуў яму складзеныя картонкі воклацкі (Быкаў, Кар'ер. - Мн., 1987. - С. 261).

Во второй главе "Лексические белорусизмы в русскоязычной художественной прозе" анализируется употребление белорусских лексических элементов в художественной прозе, созданной на русском языке. При исследовании особенностей функционирования лексических белорусизмов в русскоязычной художественной прозе Беларуси сохраняется тот же подход и определяемая им последовательность анализа, которые осуществлялись при рассмотрении аналогичного использования лексических русизмов в белорусской художественной прозе.

Глава состоит из трех параграфов.

В первом параграфе описываются информационно-коммуникативные и характерологически-экспрессивные функции лексических белорусизмов в прямой речи персонажей.

В сравнении с аналогичными функциями лексических русизмов группа информационно-коммуникативных функций лексических белорусизмов оказывается наиболее полно представленной только функ-

щей, направленной на конкретизацию речи персонажа с точки зрения ее языковой принадлежности. Данная особенность связана с тем, что большинство русскоязычных прозаических художественных текстов строится на белорусском материале и для их героев, жителей Беларуси, родным языком является белорусский. Поэтому естественно, что перед писателем, обращающимся к изображению жизни белорусского народа, встает проблема воссоздания в тексте на русском языке речевого облика персонажа, говорящего по-белорусски. Предметом анализа становятся случаи, когда вкрапления белорусских слов дают лишь "намек" на реальную (неусловную) речь персонажа, выступая в роли своеобразных знаков дополнительной информации о ее характере с точки зрения языковой принадлежности.

Подобное употребление лексических белорусизмов, в сравнении с лексическими русизмами, оказывается гораздо слабее подкреплено контекстом художественного произведения (если иметь в виду существование в нем вербально выраженной информации о национальности и/или языке говорящего). Как правило, такая поддержка носит косвенный характер и обуславливается тематикой произведения (сельской), социальными параметрами персонажей (крестьянство), местом описываемых событий (белорусская деревня). Во всех этих случаях лексические белорусизмы выступают в роли единственного лаконичного языкового средства, восполняющего отсутствующий авторский комментарий. В немногочисленных случаях употребления лексических белорусизмов в полных контекстах их функция приспосабливается благодаря различного рода географическим справкам, которые способствуют территориальной локализации описываемых событий, а также благодаря ситуативно-контекстному подчеркиванию национальности и/или языка говорящего.

Менее распространено (если сравнивать с аналогичным использованием лексических русизмов) употребление белорусской лексики в роли сигналов дополнительной информации о смешанном характере речи персонажа. Как таковая, данная функция белорусских слов обнаруживается только в полных контекстах. Неполные ("немые") контексты делают проблематичным определение характера речи персонажа, а следовательно, и дифференциацию стилистических функций лексических белорусизмов в ней. Выявленная особенность функционирования лексических белорусизмов в прямой речи персонажей свидетельствует о стремлении писателей прежде всего к со-

зданию эффекта национального своеобразия такой речи, ее национального колорита.

Небольшую группу в общем количестве лексических белорусизмов, выполняющих в речи персонажей информационно-коммуникативные функции, составляют слова белорусского языка, используемые писателями как средство конкретизации речи персонажа относительно наличия в ней элементов чужого словоупотребления. По своему характеру их использование остается таким же, как и лексических элементов русского языка.

В группе характерологически-экспрессивных функций лексических белорусизмов, в сравнении с художественными функциями русских слов, заметно преобладает использование белорусской лексики прежде всего как характерологического средства достижения социальной типизации и индивидуализации речи персонажей. В результате писателю удается "прикрепить" своих героев не только к национальной, но и к определенной социально-бытовой среде. Этому содействует такая особенность слов белорусского языка, как их способность вызывать в русском тексте ассоциации определенного социального характера, и в первую очередь, - представления о деревенской действительности с ее характерной приметой - белорусской речью. Не случайно подавляющее количество лексических белорусизмов обнаруживается в речи персонажей - жителей сельской местности или горожан, выехавших из деревни.

Лексические белорусизмы одновременно с национально-языковой и социальной локализацией персонажа могут способствовать раскрытию психологических особенностей его личности. Однако если при решении данной характерологической задачи с помощью лексических русизмов наблюдается преимущественное использование экспрессивного потенциала русской стилистически окрашенной лексики, то для ее осуществления с помощью лексических белорусизмов широко привлекается общеупотребительная лексика белорусского языка. Такая особенность, возможно, объясняется преобладанием в русскоязычном художественном тексте собственно-характерологического употребления белорусской лексики над ее характерологически-оценочным использованием. Например, надолго остается в памяти читателя поэтический образ белорусской девушки Кристины из повести В.Тараса "Прощальные костры". Лексические белорусизмы используются здесь не только для создания национального, социального колорита ее речи, но и как средство раскрытия

особенностей характера. Такие черты характера героини, как нежность и лиризм, эмоциональное восприятие действительности ярко обнаруживаются в следующем диалоге:

- Зорка Венера, - тихо сказала Кристина. - Слышал про тачку?

- Венера не звезда, - сказал он, ковыряя ногой землю...

- Светит, значит, звезда, - все так же тихо сказала Кристина и повторила по-белорусски: - Зорка... (Тарас. Прощальные костры. - Мн., 1980. - С. 135).

В данном отрывке общеупотребительное белорусское слово зорка в речи персонажа становится более емким и поэтичным, наполняется дополнительным смысловым и эмоциональным содержанием, что расширяет его изобразительно-выразительные возможности как характерологического средства.

В функции создания ситуативно-речевой экспрессии писатели широко используют экспрессивно-стилистический потенциал белорусской лексики, например, выразительные возможности таких колоритных, эмоционально насыщенных белорусских слов, как разг. звкараскашпа, валдаша, высалапіць, выштукаваць, закапыліць, гамузам, пустадомак, расшалонаць, грубо-разг. хамула, обл. прачуханка и др. Средством ситуативно-речевой экспрессии выступают и стилистически нейтральная белорусская лексика, когда она как бы получает в речи персонажа эмоционально-экспрессивную "надбавку" к своему обычному нейтрально-денотативному употреблению. Например, яркую экспрессию приобретает белорусское слово, которое персонаж намеренно включает в свою речь для выражения особого "настроения души", как символ чего-то родного, деревенского: "Хорош, ах как хорош тот деревенский хлеб, печеный на поду, какой, помнишь, таскали мы на рыбалку с кавалочком сала!" (Курылева, Неман, 1983. - № 10. - - С. 26). Экспрессивная значимость белорусского слова может подчеркиваться в контексте писателем или самим говорящим: "Гляжу, а матка бочка, грязь, грязь, аж, какучи по-белорусску, брыдко" (Попов, Неман, 1980. - № 10. - С. 68).

Гораздо реже белорусская лексика используется в функции создания ситуативно-речевого юмора. Речевой юмор достигается путем намеренного нарушения персонажем принятого способа выражения, а также благодаря обыгрыванию значения белорусского слова. В сравнении с аналогичным использованием лексиче-

ских русизмов такие случаи немногочисленны, что, возможно, объясняется объемом рассмотренных произведений.

Отдельно в параграфе отмечаются факты употребления лексических белорусизмов, являющиеся следствием интерференции. Среди них – случаи натуралистической перегрузки речи персонажа белорусскими словами; речевое представление образа попеременно то русской, то белорусской речью; немотивированное сочетание в речи персонажа стилистически разнородной лексики русского и белорусского языков; включение без соответствующих пояснений белорусских диалектизмов, архаизмов и других малоизвестных лексических средств. Подобного рода словоупотребления не оправдывают себя по конечному художественному результату, так как затрудняют коммуникацию, снижают эстетическую ценность литературного образа, речевую культуру произведения в целом.

Во втором параграфе рассматриваются лексические белорусизмы, включенные в авторскую речь.

Характер употребления белорусской лексики в авторской речи, стилистический рисунок которой обнаруживает синтез речевого выражения субъектных планов автора и персонажа, существенно не отличается от описанного ранее использования в таких контекстах слов русского языка.

В собственно-авторской речи особенностью функционирования лексических белорусизмов является реализация значительной группой белорусских слов колористической функции, которая оказывается совершенно нехарактерной для лексических русизмов, употребленных в произведениях такой же тематики на белорусском языке. Выполнение лексическими белорусизмами данной стилистической функции определяется спецификой объекта художественного изображения и тематически обусловлено. Это помогает писателю не только художественно убедительно и этнографически достоверно воспроизвести изображаемую действительность, но и создать ту особую национально-специфическую тональность, которая способствует эстетическому восприятию произведения в целом.

В число контекстов собственно-авторской речи, где отчетливо обнаруживается колористическая мотивированность лексических белорусизмов, входят авторские описания обстановки, ситуации, внешнего вида кого-либо, а также пейзажа. Включение лексических белорусизмов в авторские повествовательные контексты (то есть в авторскую речь, двигающую и развивающую сюжет) оправдано

стремлением писателя приблизить язык повествования к языку изображаемой среды (как правило, белорусского крестьянства) или отдельного персонажа – ее представителя, придать такому повествованию характерный национальный колорит.

Колористическая окрашенность собственно-авторской речи создается различными группами белорусской лексики: эквивалентной лексикой, безэквивалентными словами и этнографизмами. Использование эквивалентной лексики определяется в первую очередь стилистическими целями. Употребление безэквивалентных слов и этнографизмов вызывается не только творческим замыслом автора ввести в высказывание национально-культурные компоненты с целью создания белорусского национального колорита, но и потребностью или удобством номинации. При этом основную номинативную и стилистическую нагрузку несут имена существительные. С точки зрения предметно-тематической характеристики они образуют несколько семантических разрядов. Вместе с тем в собственно-авторской речи отмечены слова других лексико-грамматических категорий: глаголы и прилагательные. Лишь единичными примерами представлены в ней наречия, и совершенно отсутствуют белорусские местоимения, союзы, частицы и междометия.

В собственно-авторскую речь лексические белорусизмы могут включаться как средство создания речевой экспрессии. В формировании речевой экспрессии авторских контекстов участвует белорусская стилистически окрашенная лексика (бел. разг. ндчыснiк, нагойсана, ляснучэ, завяздзёнка, нiшчымнiца, хеўра, прычапурышча, обл. выспятак, калдыбаць и др.), белорусские слова, которые имеют добавочные семантические оттенки в сравнении с существующими в русском языке синонимическими соответствиями (бел. бацькаўчына, хлусня, каўкаць), а также лексические белорусизмы, употребленные в переносных метафорических значениях.

Эстетическая нагрузка лексических белорусизмов при создании речевой экспрессии особенно велика в тех контекстах собственно-авторской речи, в которых реализуется "лирическое Я" писателя. Использование белорусской лексики помогает автору подчеркнуть свою любовь к родной природе, к родной земле, к ее людям и их языку.

В конце параграфа анализируются словоупотребления, представляющие собой факты интерференции. Во-первых, к их числу относятся речевые ошибки. Ими являются ненормативные авторские

образования, выступающие как неправильные с точки зрения ортологической (взмокревший, мроистый, цубастый, единодумец, напружливый) и случаи смешения двух белорусских паронимов (неправильное употребление белорусских лексем абагульваць вместо абагульняць и сяліба вместо сядзіба). Во-вторых, как факты интерференции рассматриваются лексические белорусизмы, включение которых в русскоязычный текст не оправдывает себя по конечному художественному результату, что, например, наблюдается при использовании в русском тексте без соответствующих пояснений белорусских диалектизмов, а также при немотивированном употреблении белорусской лексики, приводящем к непредвиденным смысловым и оценочным сдвигам.

В третьем параграфе характеризуются способы введения и приемы толкования лексических белорусизмов в русскоязычной художественной прозе. Проведенный анализ фактического материала свидетельствует о том, что белорусская лексика так же, как и русская, вводится в текст в разном графическом оформлении. Устанавливаются три основных способа графического оформления лексических белорусизмов: передача графическими средствами белорусского языка, воспроизведение графическими средствами русского языка с полным или частичным сохранением фонетических и грамматических (отражаемых в написании) белорусских черт и оформление графическими средствами русского языка в соответствии с существующими в нем орфографическими правилами, орфоэпическими и грамматическими нормами (эти случаи составляют большинство). Вместе с тем отмечается, что в ряде случаев ничем не обусловленные графические изменения формальной стороны белорусских слов приводят к неправомерному искажению их звукового облика (например, употребление бел. цэбер, атосы, ялукніц в виде словоформ цэбер, отоси, ялуктала).

Проведенное исследование показывает, что русскоязычные писатели гораздо чаще прибегают к формальной маркировке лексических белорусизмов и использованию белорусско-русских лексических параллелей. В реферируемой работе описываются разнообразные способы формальной маркировки белорусских слов, наблюдаемые в прямой речи персонажей и в авторской речи. Устанавливается, что наряду с такими общими для русской и белорусской лексики приемами ситуативно-контекстного выделения, как использование кавычек, различного рода ссылок, применяются специфиче-

ские для лексических белорусизмов способны формальной маркировки - подача шрифтом в разрядку, обозначение в слове ударения. Использование белорусско-русских лексических параллелей и его стилистический эффект подробно рассматриваются в диалогической речи персонажей (возникновение двуязычного параллелизма наименований), в авторской речи (использование спаренных слов-эквивалентов; использование синонимичных слов обоих языков, построенное по принципу функций синонимического уточнения и синонимического разнообразия), в прямой и авторской речи (появление двуязычных номинаций как следствия ориентации на разных субъектов речи (автор, персонаж) с присущими каждому из них речевыми привычками).

В диссертации отмечается то большое внимание, которое уделяют русскоязычные писатели толкованию белорусских слов как в прямой речи персонажей, так и в авторской речи. Особенно очевидно это в сравнении с использованием лексических русизмов, которые практически не становятся объектом семантизации.

Семантика белорусских слов раскрывается в сносках различной структуры и содержания, а также при помощи комментария, заключенного непосредственно в текст произведения. Во втором случае толкование производится двумя основными способами: 1) при поддержке русского эквивалента; 2) при помощи перевода в тексте без поддержки русского лексического соответствия. Результаты анализа свидетельствуют, что писатели чаще пользуются первым из названных способов толкования слов. При этом в синтаксическом плане белорусский и русский синонимы оформляются по-разному: они могут сочетаться союзной или бессоюзной связью, располагаться до или после друг друга, объединяться один с другим в пару по принципу синтаксического приложения. Здесь также возможны усиливающие, подчеркивающие характер уточнительности слова.

Гораздо реже писатели пользуются способом толкования белорусских слов - их разъяснением без поддержки русских лексических соответствий. Объяснение белорусской лексики достигается в таком случае с помощью различного рода описаний.

В заключении диссертации обобщаются основные положения и выводы, определенвшиеся в ходе исследования. Подчеркивается, что функционирование лексических русизмов и белорусизмов в художественной прозе Беларуси обнаруживает ряд общих закономерностей, находящих свое выражение в совпадении основных причин, харак-

тера и способов употребления слов русского и белорусского языков. Наличие общих черт стилистического использования русской и белорусской лексики объясняется, с одной стороны, объективно существующими законами художественного творчества, которыми определяются, в частности, нормы, традиции употребления иноязычной лексики; с другой стороны, объективными закономерностями развития и контактирования, взаимодействия и взаимопроникновения двух близкородственных языков.

Выявленные количественные и качественные различия определяются рядом факторов: творческой индивидуальностью писателя, тематикой и идейно-художественным содержанием произведения, выразительными возможностями национальных языковых средств.

Основное содержание диссертации отражается в следующих публикациях:

1. Лексічныя русізмы ў мове мастацкіх твораў І.Шамякіна // Беларус. мова: Міжвэд. зб. / Гомельскі дзярж. ун-т. - Мн., 1988. - Вып. 16. - С. 29 - 35.

2. Лексічныя русізмы ў мове мастацкіх твораў В.Быкава // Весні АН БССР. Сер. грамад. навук. - 1989. - № 5. - С. 116-122.

3. Словообразовательные особенности лексических русизмов в белорусской художественной прозе // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках: Тез. докл. 3 респ. конф. 5 - 6 окт. 1989 г. - Гродно, 1989. - Ч. 2. - С. 187 - 188.

4. Стилистическая роль лексических русизмов в языке произведений В.Быкова // Вопр. функционирования рус. языка в условиях белорус.-рус. двуязыч. / Могилев. гос. пед. ин-т им. А.А.Кулешова. - Могилев, 1988. - 3 с. - Деп. в ИНИОН АН СССР 12.04.89, № 37555.

5. Лексические русизмы в прямой речи персонажей белорусской художественной прозы // Рус. язык в условиях двуязыч. и многояз.: пробл. функцион. и исслед.: Тез. докл. 6 Всесоюз. коорд. совещ. руководителей отд. и секторов рус. языка АН союз. респ. и филиалов АН СССР, 18 - 20 апр. 1990 г. - Мн., 1990. - С. 69-70.

6. Лексические белорусизмы в русскоязычной художественной прозе Белоруссии // Вопр. функционирования рус. языка в условиях белорус.-рус. двуязыч. / Могилев. гос. пед. ин-т им. А.А.Кулешова. - Могилев, 1990. - 15 с. - Деп. в ИНИОН АН СССР 19.04.90, № 41621.